

В.И. Пржиленский*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ПОИСКИ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОДНОГО ФИЛОСОФСКОГО ПОНЯТИЯ

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с применением философского знания в современном российском законодательстве и правоприменительной практике. Исследуется эвристическая ценность и теоретическая актуальность методологии диалектического материализма в контексте новейших философских и методологических разработок. Показывается проблематичность традиционных определений базовых теоретико-познавательных понятий, выявленная в ходе лингвистического поворота в философии. Рассматривается целесообразность введения в законодательство идей, понятий и концепций, генетически связанных с одной из философских традиций, являющейся не самой новой и не самой авторитетной. Дается сравнительный анализ включения понятия истины в уголовно-процессуальные кодексы различных стран и исторические периоды, а также рассматриваются проблемы соответствия современной философии и методологии юридического познания. Обосновывается тезис о присутствии концепта «истина» в данных текстах не в качестве философского понятия или научного термина, а в качестве слова, используемого на уровне здравого смысла и по правилам повседневного словоупотребления.

Ключевые слова: юриспруденция, философия, диалектика, методология, истина, объективное, гипостазирование, институционализация, концептуализация, законодательство.

Следы влияния философской мысли на современную отечественную юридическую науку путаются и исчезают в бесконечном количестве фактов и обстоятельств советской и постсоветской истории, для выяснения которых потребовались бы объединенные усилия историков науки, философии и правоприменения. Увы, таких работ крайне мало, да и об объединенных усилиях говорить явно преждевременно¹. Философы и право-

веды как будто избегают друг друга, предпочитая не пересекать линию демаркации, проведенную неизвестно кем и, самое главное, неизвестно зачем. И это притом, что расхождение между современным уровнем развития философского знания и теми философскими положениями, которые применяются при по-

отрицания права». (Нерсеянц В.С. Философия права: учеб. пособ., 1995.) В книге можно обнаружить немало примеров обращения к философии, но и здесь весьма примечательна оговорка, что автор считает философию права юридической дисциплиной, а себя, соответственно, юристом. Такая герметизация юридического научно-образовательного сообщества имеет социологическое объяснение, но вряд ли идет на пользу делу,

¹ Особняком здесь стоит книга В.С. Нерсеянца, названная им учебником. Значительную часть объема занимает критический разбор правовой мысли в советский период, именуемый в тексте «философией

© Пржиленский Владимир Игоревич

* Доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

[vladprnow@mail.ru]

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

строении правовых теорий, становится все более вопиющим.

Наглядные примеры такого расхождения дает ведущая сегодня правоведами дискуссия, в центре которой одно из ключевых понятий философии — понятие истины. Поводом для дискуссии послужил законопроект, подготовленный Следственным комитетом РФ и предусматривающий «введение института установления объективной истины в уголовном процессе»².

Г.К. Смирнов, выступивший с защитой и обоснованием данной инициативы, отметил, в частности, что удаление института из вокабуляра отечественной юриспруденции было поспешным и носило идеологический характер. Между тем, утверждает он, «объективная истина не относится к идеологии, а является базовой категорией научного познания, в том числе в господствующей в современной российской, да и всей мировой, науке методологии диалектического материализма. Возможность достижения истины материалистическая диалектика ставит в зависимость от применения правильной, научно обоснованной, методологии — способов исследования. В целом в уголовно-процессуальном доказывании эти методологические условия обеспечивались главным образом за счет таких принципов, как полнота, всесторонность и объективность исследования всех обстоятельств, имеющих значение для дела в их системном единстве»³.

С одной стороны, это утверждение носит, мягко выражаясь, спорный характер. Особенно в той его части, где говорится о господстве в отечественной и мировой науке методологии диалектического материализма, что и замечает другой участник дискуссии А.С. Александров⁴. А с другой, — именно так зачастую написано в учебниках и монографиях о средствах и методах юридического познания. А вот российские философы последние два десятилетия стараются не упоминать ни саму методологию диалектического материализма, ни соответствующую ей терминологию. Слишком уж архаичной и недееспособной казалась она на фоне того пути, который был проделан в XX в. немецки-

ми, французскими или англо-американскими философами.

И хотя в последние десятилетия существования СССР лучшие представители отечественной философской мысли приложили немало сил для изучения последних достижений Запада, мера их вынужденной несвободы была столь значительна, что написанные в этот период книги сегодня могут читаться лишь с поправкой на время. Чего не скажешь о зарубежных классиках ушедшего столетия, писавших о корреспондентной, когерентной или прагматической теориях истины.

Но даже если мы признаем диалектический материализм вершиной философской и методологической мысли, ссылки на него в упомянутой статье Смирнова не выглядят убедительными. Так, уже в 70-е годы интерпретация методологии марксизма-ленинизма в духе «Краткого курса» была подвергнута критике и существенно модернизирована. Интерпретация объективной истины как соответствия мыслей вещам, т.е. мыслей действительности, была отвергнута большинством философского исследовательского сообщества. Как отмечал Ф.М. Чудинов, «признание соответствия знаний фактам еще не эквивалентно признанию их соответствия объективному миру. Нужно иметь в виду следующие два обстоятельства. Во-первых, то, что ученые обычно называют фактом, представляет собой не элемент объективного мира, а определенный вид нашего знания о нем. Соответствие некоторого теоретического предложения эмпирическому факту — это отношение, которое реализуется в рамках системы знаний. Судить об объективной истинности предложения, соответствующего фактам, можно лишь на основе нетривиального анализа фактов под углом зрения их отношения к объективному миру и материалистической интерпретации этого отношения. Во-вторых, признание истиной соответствия утверждений фактам само по себе еще не устраняет субъективизма»⁵.

Итак, факты (обстоятельства по делу) и объективный мир — не одно и то же. Именно это утверждение стало предметом активной дискуссии в философии и в конечном счете было признано практически всеми философскими течениями и направлениями. Адепты диалектического материализма признали это одними из последних, наряду с неореалистами и критическими реалистами. В целой серии исследований, проведенных представителями постпозитивистской философии

² О возможности введения в УПК РФ института установления объективной истины URL: / <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551>

³ Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 11.

⁴ Александров А.С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 6. С. 67.

⁵ Чудинов Э. Природа научной истины. М., 1977. С. 38.

науки, был окончательно развеян миф о том, что получаемые в ходе научного исследования факты обладают полной независимостью от целей исследователя, от его установок и теорий, которыми он руководствовался при разработке программы исследования. Идеи К. Поппера, И. Лакатоса и других представителей этого направления были благосклонно приняты в Советском Союзе, что привело к известной модернизации диалектического материализма.

Отсюда и первое утверждение Чудинова о том, что факты относятся к сфере знания, а не к объективному миру. Как высказался по этому поводу американский философ Р. Рорти, «Мир находится по ту сторону человеческого ума, но его описания — по эту. Только эти описания и могут быть истинными или ложными»⁶. Сама процедура «установления факта» предполагает взаимодействие трех видов объектов: вещей, мыслей и слов (реальности, сознания и языка). В прежней гносеологии утверждалось, что вещи отражаются в сознании, что порождало споры о том, что первично — мысли или вещи. Но в любом случае язык выступал всего лишь средством для выражения мысли или для описания вещи. Благодаря лингвистическому повороту стало ясно, что язык живет по своим законам, является вполне самостоятельным и не менее активным началом, чем мир вещей или мышление. Мы разбиваем мир на «куски», т.е. на факты, в соответствии с грамматикой нашего языка, — утверждают признанные лидеры философии XX в. Вся метафизическая традиция разыскания истины представляет собой реализацию стремления сгруппировать что-либо в мире с каждой частью истинного утверждения. Но тогда нам не отделаться от вопроса, является ли наше говорение о вещах, событиях и, в особенности, об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела, «правильным способом разбития мира на куски»⁷.

Благодаря исследованиям антропологов, лингвистов и когнитологов, а также лингвистическому повороту, характеризующему все развитие философии в XX в., стало ясно, что язык живет по своим законам, является вполне самостоятельным и не менее активным началом, чем мир вещей или мышление. Разумеется, за языком остались все прежние функции, как-то вы-

ражать мысли и описывать вещи. Но при их выполнении, как оказалось, язык привносит немало «от себя», и продуктом взаимодействия слов, мыслей и вещей оказывается та самая реальность и те самые факты, которые прежде объявлялись элементами материального мира. Вот откуда берется второе положение из цитируемого отрывка Чудинова о том, что признание истиной соответствия утверждений фактам само по себе еще не устраняет субъективизма.

Таким образом, можно заключить, что в процессе своего развития в диалектический материализм были успешно инкорпорированы важнейшие достижения философии XX в., среди которых современная эпистемология и философия науки занимает едва ли не первое место. Отечественные философы стали признавать, что провозглашенный в классической методологии науки идеал объективности является скорее регулятивной идеей, нежели реально достижимым качеством научного знания. Идеи, выдвинутые в рамках аналитической философии, феноменологии и прагматизма, привели к появлению неклассической эпистемологии, которая показала, что классические идеалы науки основываются не на рациональных аргументах, а на образах и метафорах. Применение методов философско-лингвистического анализа, герменевтики и семиотики позволило подвергнуть критике классические формулы и дефиниции, до сей поры казавшиеся очевидными и интуитивно ясными. Именно поэтому пришлось пересмотреть понятия факта, действительности, соответствия и многие другие базовые понятия и категории теории познания.

Следует отметить, что именуемые лингвистическим поворотом изменения в философском понимании природы человеческого знания позволили существенно скорректировать смысл формулировок, использующих понятие объективной истины. Ведь если «объективная истина — соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения», как это прописано в дополнении к ст. 5, и имеет статус дефиниции, то положение не проясняется, а, наоборот, усложняется. И вот почему.

Под словами «обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела» понимается некий набор утверждений, из которых заключение, что называется, следует с необходимостью. Это не тот набор обстоятельств, которые исчерпывающе описывают все происходившее, т.е. весь объект исследо-

⁶ Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М., 1996. С. 24.

⁷ Рорти Р. Тексты и куски // Логос. 1996. № 8. С. 175.

вания — такой набор, описывающий объект во всей его полноте, дать не в силах никакая группа следователей и никакое исследовательское сообщество. Отсюда и родилась мысль об отделении от объекта исследования некоего предмета исследования (одного из многих), причем эта мысль возникла еще в классической теории познания, где истина понималась как соответствие утверждений действительности.

Предмет исследования определяется в соответствии с целями исследования, а выявляемая при этом истина, хотя и «принадлежит» не только предмету исследования, но и его объекту, все же не может быть объявлена объективной истиной: объективная истина потому и объективна, что свободна от целей исследования (или расследования). Более того, она представляется неисчерпаемой как по объему, так и по содержанию, в полном соответствии с утверждением о бесконечности процесса познания. Додумывая все эти мысли до конца, представители диалектического материализма вслед за неокантианцами, неокартезианцами и неогегельянцами стали вводить понятия истины первого, второго и даже третьего порядка, а их неприятие агностицизма выражалось в оптимистическом утверждении о перманентном приближении к объективной истине в процессе этого самого бесконечного познания.

Классическая гносеология, включающая диалектический материализм в его «лучших» проявлениях, все более напоминала средневековую схоластику, что и выразилось в ее неприменимости к объяснению процесса познания. Чего стоят одни лишь понятия «относительной достоверности» и «процессуальной истины», с помощью которых юристы пытались построить на основе диалектико-материалистического словаря свою частнонаучную методологию и терминологию. А в это время философы-аналитики и феноменологи обратили внимание на то, что главным источником трудностей является неоправданная концептуальная реификация (овеществление) и как неизбежное следствие гипостазирование.

Как отмечают А.А. Ивин и А.Л. Никифоров, «гипостазирование (от греч. hypostasis) — это логическая (семантическая) ошибка, заключающаяся в опредмечивании абстрактных сущностей, в приписывании им реального, предметного существования. Эту ошибку допускает, например, тот, кто считает, что наряду со здоровыми и больными людьми в реальном мире есть еще такие отдельные «существа», как «здоровье» и «болезнь».

Или даже, что есть особые предметы, обозначаемые словами «ничто» и «несуществующий предмет»⁸.

Далее авторы данной статьи обращают внимание на ситуацию, возникающую в случаях гипостазирования в отдельных областях научного знания, в том числе и юриспруденции. «Опасность гипостазирования, — пишут они, — существует не только в обыденном рассуждении, но и в научных теориях. Гипостазирование допускает, например, юрист, когда говорит об идеальных нормах, правах и т.д. так, как если бы они существовали где-то наряду с лицами и их отношениями»⁹.

Само понятие истины, как и другие теоретические понятия высокой степени абстрактности, все более гипостазируются, что и приводит к наделению истины определенными вещественными (материальными) свойствами. Все это уже было в философии, и не раз. Еще Парменид утверждал, что бытие имеет шарообразную форму, Платон рассуждал об особом царстве идей, средневековые схоласты спорили о том, существуют ли общие понятия как вещи среди других вещей, а Марк потратил немало усилий для изучения «овеществленного» труда.

Таким образом, в целях сдерживания усилий «овеществляющего» и «гипостазирующего» мышления современными философами как раз и были созданы такие процедуры, как лингвистическая терапия или герменевтическая рефлексия. Вот почему картезианско-кантианские понятия субъекта и объекта оказались если не за пределами концептуального каркаса современной эпистемологии, то на глубокой его периферии. Потому же и понятие объективной истины превратилось из базовой гносеологической категории в термин, чье применение должно специально оговариваться множеством дополнительных условий и снабжаться некоторым числом разъяснительных контекстов. Именно это имел в виду С.А. Пашин, отмечая, что «понятие объективной истины взято из арсенала гносеологии и неприменимо в предметной области уголовного судопроизводства. Ратовать за установление объективной (или же материальной) истины — все равно что видеть в абсолютно черном теле вещественное доказательство, считать гомункулуса субъектом процесса, требовать завершения производства по уголовному

⁸ Ивин А.А., Никифоров А.Л. Гипостазирование / Словарь по логике. М., 1997. С. 57.

⁹ Ивин А.А., Никифоров А.Л. Там же.

делу постановкой материальной точки»¹⁰.

Особого рассмотрения удостоилось в философии и понятие соответствия, которое без поддержки гипостазирующего мышления приобрело совершенно иной смысл. Если под соответствием понимать некий ослабленный вариант отождествления (частичное отождествление), то тогда непонятно, каковы критерии, позволяющие утверждать тождество вещей и мыслей или, в новейшем варианте, вещей и слов.

Если прежде, находясь в рамках теории отражения, которую, кстати, в советской философии называли ленинской, можно было говорить о том, что мысли соответствуют действительности, то мы имели в виду соответствие в смысле отражения. Сегодня же, говоря о соответствии выявленных обстоятельств действительности, мы имеем в виду соответствие между событиями и их описаниями. И здесь проявляется главное отличие понимания соответствия как описания от соответствия как отражения. При всем многообразии зеркальных проекций (вид сзади, вид сбоку и т.п.) их единство достаточно отчетливо и очевидно, тогда как говорить о единстве описаний одного и того же события или явления крайне затруднительно.

Возвращаясь к вопросу о том, как сегодня можно трактовать понятие объективной истины, необходимо отметить следующее. В формуле, предложенной поправками к закону, подчеркивается факт соответствия выявленных обстоятельств действительности, что, в сущности, не определяет специфику данного понятия и его отличие от других «видов» истины. Нет смысла обращаться к гносеологически нагруженной терминологии, если итогом этого обращения является определение, взятое из толкового словаря, где словосочетание «объективная истина» рассматривается как синоним слов «истина», «абсолютная истина» и др. Говорить об объективной истине имеет смысл лишь тогда, когда данный термин вступает как член концептуальной оппозиции «объективная истина — субъективная истина» и где под первой понимается знание, в котором нет ничего от субъекта, а лишь свойства и черты, присущие объекту.

Данное противопоставление вполне оправдано в контексте гносеологического учения о познающем субъекте, который наделен не только разумом, но и волей, не только стремлением к истине, но и желанием преследования собственных интересов.

Более того, как справедливо утверждается в учении о познающем субъекте, он всегда находится во власти предрассудков, его «видение» и «понимание» обусловлено прежним опытом. Вот почему эти специальные термины обретают смысл в рамках теории познания: для них разрабатываются и применяются разнообразные технологии перехода от субъективной истины к истине объективной. Эти технологии по своей сути представляют собой «очищение» имеющегося знания (субъективной истины) от всего субъективного и позволяющие оставлять лишь то знание, в котором нет ничего от субъекта. К числу этих технологий обязательно относятся процедуры формализации, доказывания, состоятельность сторон и т.п.

Итак, истина называется объективной, когда в ней нет ничего личного, ничего субъективного, ничего добавленного теми, кто осуществляет процесс познания/дознания. Но в тех разъяснениях, которые содержатся в пояснительной записке, а также в записи, сделанной председателем СК РФ А.И. Бастрыкиным в своем блоге¹¹, как мне кажется, сквозит совсем иная мысль. На самом деле разработчики законопроекта озабочены тем, что в процессе судопроизводства не достигается обычная истина. Другими словами, что суд не находит достаточных оснований для окончательного прояснения ситуации и утверждения о том, имело ли место интересующее его событие или не имело. И происходит это в силу его пассивности, тогда как в случае придания ему дополнительных полномочий и инструментов он мог бы «активизироваться» и выступить либо на стороне обвинения, либо на стороне защиты, причем по своему усмотрению. Но при этом остается загадкой, как именно он мог бы оставаться объективным. Скорее можно было бы сказать, что такой суд стремится к субъективной истине, и законопроект, в случае его принятия, должен был бы называться «о возможности введения в УПК института установления субъективной истины».

А для того, чтобы истина, провозглашаемая судом, действительно могла именоваться объективной, а не субъективной, он (суд) и не должен быть познающим субъектом (дознавателем, разыскником) даже на стадии, когда предварительное следствие завершено. Его роль сводится к тому, чтобы оставаться лишь сторонним наблюдателем, регистратором, экспертом, оценщиком. И

¹⁰ Истина в уголовном процессе // Закон. 2012. № 6. С. 24.

¹¹ О возможности введения в УПК РФ института установления объективной истины URL: /http://www.sledcom.ru/blog/detail.php?ID=90815#comments

вступление суда возможно лишь на последнем этапе, когда завершены все розыскные процедуры, что как раз и является гарантией его объективности. Таким образом, суд обретает статус субъекта суждения, а не субъекта познания. Принцип неучастия является обязательным, иначе трудно поверить в объективность той истины, которую может установить таковой суд.

Но в аргументации разработчиков и сторонников законопроекта прослеживается вольное или невольное смешение понятий «объективная истина» и «истина». В то же время ни в пояснительной записке, ни в статьях не приводятся примеры подтверждений присутствия первого понятия ни в дореволюционном уголовно-процессуальном праве, ни в уголовно-процессуальных кодексах ФРГ и Франции. А между тем из ссылок на соответствующие статьи¹², если обратиться к самим текстам, можно сделать прямо противоположные выводы. Так, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. словосочетание «объективная истина» не используется ни разу, а все семь раз использования слова истина удостоверяют нас в том, что это слово используется именно как слово. «При исследовании преступления или проступка судебный следователь может производить следственные действия и в другом участке того же уезда или даже в другом уезде, если это оказывается необходимым для открытия истины», — гласит ст. 294 рассматриваемого устава.

Очевидно, что слово «истина» не обретает здесь статуса научного или юридического термина, требующего столь строгой дефиниции. И, тем более, не требуется здесь ссылка на соответствующую философско-методологическую концепцию, в рамках которой и на основании которой данная дефиниция могла бы быть дана. Наверное, именно поэтому, как уже говорилось ранее, предлагаемая в законопроекте дефиниция является скорее калькой выписки из толкового словаря, чем строгим определением, пусть даже и «диаматовским».

Столь же несостоятельны и ссылки на УПК ФРГ, в котором из семи случаев употребления слова истина ни разу не присутствует слово «объективная». И это неудивительно, ибо он фактически является ровесником цитировавшегося прежде дореволюционного российского Устава, был принят в 1887 г., а

последние внесенные изменения 1987 г. не добавили ничего ни в понимание истины, ни в вопросы природы и сущности судебной власти. Речь и здесь идет скорее о ритуальных вещах, вроде присяги, когда судья обращается к свидетелю со следующими словами: «Вы клянетесь перед Богом всемогущим и всеведущим, что сказали сознательно чистую правду и ничего не утаили?», на что свидетель должен ответить: «Я клянусь, что это истинно так, да поможет мне Бог»¹³.

Не менее ритуальными выглядят и другие случаи, где об истине говорится как о цели любого познавательного акта, независимо от того, идет ли речь о повседневной практической потребности в нужной информации или об удовлетворении досужего любопытства, о задачах научного поиска или о розыскной деятельности. Таким, как мне думается, является использование слова «истина» в ст. § 81с. п. 2, гласящей: «Другие лица могут быть подвергнуты освидетельствованию без их согласия, как и обвиняемые, только в том случае, если они выступают в качестве свидетелей и в целях установления истины необходимо выяснить, имеются ли на их теле определенные следы уголовно наказуемых деяний»¹⁴. Об этом же свидетельствует ст. § 244 п. 2. «Суд обязан в целях установления истины по долгу службы исследовать все факты и доказательства, которые имеют значение для разрешения дела»¹⁵.

Последняя цитата может пролить свет и на истоки того самого определения объективной истины, введение которого в УПК РФ и является существенной частью обсуждаемой в статье законодательной инициативы. Первым пунктом в законопроекте предлагается «статью 5 дополнить пунктом 22.1 следующего содержания: объективная истина — соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения»¹⁶.

То же самое можно найти и в УПК Франции, ст. 31 которого гласит, в частности, следующее: «Председатель наделен возможностью подробного разбирательства, в соответствии с которой он может, основываясь на своей чести, ответственности и пони-

¹² Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия (абз. 2 § 244), Уголовно-процессуальный кодекс Франции (ст. 310).

¹³ Федеративная Республика Германия. Уголовно-процессуальный кодекс. М., 1994.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 119.

¹⁶ О возможности введения в УПК РФ института установления объективной истины URL: /http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551

мании, предпринять все меры, которые сочтут полезными для обнаружения истины... Он может во время слушаний прений сторон вызывать, при необходимости используя постановление о приводе, и выслушивать всех (персон) и/или запрашивать все новые (вещественные доказательства) свидетельства, которые сочтет, на основании выяснившихся в ходе публичных слушаний обстоятельств, полезными для манифестации истины»¹⁷. Манифестацией истины здесь называется представление последней в явном виде, что не придает данному слову какого-то особого философского смысла. Нет никаких оснований считать данное словоупотребление выходящим за пределы здравого смысла. Истинным здесь может называться высказывание или мысль, соответствующие действительному положению дел. Если же речь идет об объективной истине, то необходимо специально разъяснять целый набор других гносеологических понятий и, что было бы логично, внести в закон их определения. Ибо, если точно не определено понятие субъективной истины, невозможно дать строгую дефиницию понятию истины объективной. Но тогда придется вводить понятие движения от субъективной истины к истине объективной и, что было бы логично, упомянуть об истине абсолютной и т.д. и т.п. В связи с этим возникает два вопроса:

- 1) почему немецкие или французские юристы не нуждаются в специальном определении понятия истины, тогда как введение соответствующего определения объективной истины подается как значимая часть предлагаемой законодательной инициативы;
- 2) почему немецкие или французские суды ищут истину, а российские, в соответствии с законопроектом, должны искать объективную истину?

Ответ на первый вопрос можно найти в недавней отечественной истории, когда вместе с приходом к власти большевиков в области слов и символов появились всевозможные формулы, восходящие к философским учениям, но приобретающие все более отчетливые черты сакральных текстов. Упоминание об объективной истине звучало столь же эмоционально и одновременно столь же ритуально, сколь цитировавшаяся прежде клятва свидетеля из УПК ФРГ с ее упованием на помощь Божью.

Невольно создается впечатление, что само упоминание об объективной истине оказывается чем-то вроде заклинания, призывающего суд не стать на чью либо сторону и оставаться независимым от внешнего давления. Но при этом весьма характерным является желание заявить о том, что действия суда организованы в соответствии с новейшими достижениями науки, что они опираются на философское учение, что делает решение суда более легитимным, чем если бы такой ссылки не было. И здесь же мы находим ответ на второй вопрос: если то, что судебная инстанция объявляет целью своего поиска, определяется при помощи некоей философской доктрины и, соответственно, ставится под сомнение представителями других философских школ и направлений, то как же можно всерьез рассчитывать на общезначимый характер этого определения? Одним из принципов современной философии и методологии науки, разделяемых всеми, в том числе и адептами диалектического материализма, является тезис о развитии философской и научной мысли. Как же можно привязывать законодательство и правоприменительную практику к некому, пусть даже и весьма титулованному философскому направлению? Не лучше ли искать просто истину, не разделяя ее на субъективную и объективную, относительную и абсолютную, материальную и процессуальную, ибо нет двух философских учений, где бы данные понятия определялись бы единообразно? В то же время слова о стремлении к истине ясны и понятны без всякого теоретического обоснования.

При этом роль и функции философии как в развитии юридического знания, так и в правоприменительной практике не отменяются и даже не преуменьшаются. Только философы могут прояснить смысл основных юридических и общенаучных понятий, они же могут выступить с критикой правовых теорий и анализом конкретных случаев правоприменения, что отнюдь не требует законодательного закрепления концепций и позиций какой-либо философской школы, даже если она занимает на данном историческом этапе доминирующее положение. Кстати, именно такое отношение к философскому знанию характерно для тех стран, чьи философские и юридические традиции были положены в основу отечественных.

¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Франции (ст. 310) // URL: / <http://www.legifrance.gouv.fr/>

Библиография:

1. Нересянц В.С. Философия права: учеб. пособ. 1997. — 640 с.
2. Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. — 2012. — № 4. — С. 10–17.
3. Александров А.С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе // Уголовный процесс. — 2012. — № 6. — С. 66–73.
4. Чудинов Э. Природа научной истины. — М., 1977. — 312 с.
5. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. — М., 1996. — 280 с.
6. Рорти Р. Тексты и куски // Логос. — 1996. — № 8. — С. 173–189.
7. Ивин А.А. Никифоров А.Л. Гипостазирование / Словарь по логике. — М., 1997. — 384 с.
8. Истина в уголовном процессе // Закон. — 2012. — № 6. — С. 17–27.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Франции (ст. 310). URL: / <http://www.legifrance.gouv.fr/>
10. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // URL: / <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1103>
11. Федеративная Республика Германия. Уголовно-процессуальный кодекс. — М., 1994. — 204 с.
12. О возможности введения в УПК РФ института установления объективной истины // URL: / <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551>

References (transliteration):

1. Neresyants V.S. Filosofiya prava: ucheb. posob. 1997. — 640 s.
2. Smirnov G.K. Vosstanovlenie v UPK RF ob'ektivnoy istiny kak tseli dokazyvaniya // Ugolovnyy protsess. — 2012. — № 4. — S. 10–17.
3. Aleksandrov A.S. Kritika kontseptsii ob'ektivnoy istiny v ugolovnom protsesse // Ugolovnyy protsess. — 2012. — № 6. — S. 66–73.
4. Chudinov E. Priroda nauchnoy istiny. — M., 1977. — 312 s.
5. Rorti R. Sluchaynost', ironiya, solidarnost'. — M., 1996. — 280 s.
6. Rorti R. Teksty i kuski // Logos. — 1996. — № 8. — S. 173–189.
7. Ivin A.A. Nikiforov A.L. Gipostazirovanie / Slovar' po logike. — M., 1997. — 384 s.
8. Istina v ugolovnom protsesse // Zakon. — 2012. — № 6. — S. 17–27.
9. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Frantsii (st. 310) URL: / <http://www.legifrance.gouv.fr/>
10. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 g. URL: / <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1103>
11. Federativnaya Respublika Germaniya. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks. — M., 1994. — 204 s.
12. O vozmozhnosti vvedeniya v UPK RF instituta ustanovleniya ob'ektivnoy istiny URL: / <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551>

Материал получен редакцией 23 марта 2013 г.